

**Уральский
федеральный
университет**

имени первого Президента
России Б.Н.Ельцина

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (УрФУ)

ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620002,
факс: +7 (343) 375-97-78; тел.: +7 (343) 374-38-84
контакт-центр: +7 (343) 375-44-44, 8-800-100-50-44 (звонок бесплатный)
e-mail: rector@urfu.ru, www.urfu.ru
ОКПО 02069208, ОГРН 1026604939855, ИНН/КПП 6660003190/667001001

14 Дек 2017

№ 05-19/1 - 178

На № _____

от _____

Утверждаю
Проректор по науке
ФГАОУ ВО «Уральский
Федеральный университет имени
первого Президента России
Б.Н. Ельцина», кандидат
Физико-математических наук
Кружаев Владимир Венедиктович

ОТЗЫВ

ведущей организации
о диссертации Антонец Валентины Александровны
на тему: «Традиции экзистенциализма в отечественной культуре
второй половины XX века» на соискание ученой степени кандидата
культурологии по специальности 24.00.01 – «Теория и история культуры
(культурология)», представленной к защите в диссертационном совете
Д 212.307.04 при ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К.Д. Ушинского»

Экзистенциализм – одно из тех философских направлений, которые не только раскрывают особенности мировосприятия человека XX столетия, но и задают верный ракурс для характеристики инвариантных форм его бытия в культуре. В этом смысле обращение к экзистенциализму как интеллектуальной парадигме, намеренно (с ориентацией на «первоисточник») или невольно (интуитивно) воплощаемой в литературе и киноискусстве, является вполне оправданным.

Актуальность исследования В.А. Антонец заключается, прежде всего, в попытке продемонстрировать органическую совместимость «традиции экзистенциализма» с художественной культурой советского и постсоветского периода. Если для философии последних десятилетий экзистенциализм – в

значительной мере достояние истории (он вытесняется другими направлениями, берущими начало в постструктуралистских и постмодернистских теориях), то для художников и культурологов, стремящихся своими средствами осмыслить ситуацию незавершенного «кризиса индивидуальности», он до сих пор вполне актуален. Кроме того, сопоставление экзистенциалистских идей с учениями отечественных мыслителей XX века позволяет лишний раз показать, что русская философская традиция, при всей ее самобытности – антирационалистической настроенности, склонности к интуитивизму (или, как говорил Н.А. Бердяев, «познанию целостным духом»), «эссеистичности» и т.п., – в чем-то существенном перекликается с традицией европейской.

Новизна диссертации – в стремлении применить некоторые положения экзистенциализма к интерпретации тех произведений отечественной литературы, которые в таком ключе, кажется, еще не рассматривались (имеется в виду проза братьев Стругацких и Захара Прилепина; об «экзистенциализме» В.Т. Шаламова и Андрея Тарковского написано уже немало). Элемент новизны можно усмотреть и в предпринятой В.А. Антонец попытке сближения философских теорий М.К. Мамардашвили и В.С. Библера с европейским экзистенциализмом. Мамардашвили известен, прежде всего, как философ, ориентированный на феноменологическую традицию. Но в его суждениях о философии как особом модусе индивидуального опыта («чистого сознания», постигающего вещи без рациональных опосредований, «лицом к лицу») действительно ощущаются если и не прямые влияния экзистенциализма, то такие экзистенциалистские интенции, которые как бы имманентны его мышлению.

Сказанное касается и *теоретической значимости* исследования: оно интересно именно как опыт проецирования экзистенциалистской картины мира на отечественные художественные тексты и, кроме того, как пример вполне продуктивного использования сравнительного и герменевтического методов в культурологическом исследовании. Известная зыбкость и, как следствие, трудноуловимость некоторых явлений «экзистенциальной» сферы (пограничная ситуация, «статичное» – в хайдеггеровском смысле – время, смутная грань между «другим» и «чужим»), зачастую препятствуют методологически строгому анализу: слова не схватывают нюансы «тонких» состояний и, как говорил Френсис Бэкон, «поднимают шум», побуждая исследователя замещать рациональные понятия метафорами, а формулировки – суггестивными, эмоционально окрашенными суждениями. По нашему впечатлению, В.А. Антонец удалось в основном сохранить позицию исследовательской «вненаходимости» и не утратить той ясности видения, которая задается правильно избранным методом.

В композиционном отношении текст диссертации выстроен логично и последовательно: от рассмотрения основных идей западного экзистенциализма автор переходит к характеристике «экзистенциального дискурса» в отечественной философии, отсюда – к обоснованию взаимной близости стоицистского мировосприятия экзистенциалистов с самоощущением человека

тоталитарной культуры, а затем – к подробному анализу экзистенциалистских подтекстов (а также контекстов и коннотаций) в литературе и кинематографе позднесоветской эпохи. Особенно интересными представляются параграфы, посвященные «Пикнику на обочине» Стругацких, и основательные, философски зрелые размышления о дневниковой прозе и «Жертвоприношении» Тарковского. В целом же диссертация весьма убедительно показывает, что современный социокультурный кризис (по существу, кризис цивилизационного перехода) повышает значимость экзистенциальной проблематики и, что особенно важно, экзистенциалистской «оптики» в искусстве и культурфилософской рефлексии. Она, несомненно, принадлежит к числу таких исследований, в которых познания автора и его стремление к методологической строгости в полной мере соответствуют «высоте» поставленных задач.

Несколько слов – о том, что вызывает сомнения и/или заслуживает критической оценки.

а) Говоря о европейском экзистенциализме, автор обращается только к текстам Сартра и Камю, причем из *философских* (теоретических) сочинений Сартра цитируется лишь статья «Экзистенциализм – это гуманизм». В этой статье отражены далеко не все аспекты сартровской философии, и потому неудивительно, что у В.А. Антонец складывается о ней (философии) несколько неточное представление. Вот характерный пример. На с. 29 сказано: «Отличной от Ж.-П. Сартра точки зрения на экзистенциализм придерживался А. Камю». В чем состоит это «отличие»? Чем оно определяется, насколько оно существенно? Внятного ответа на эти вопросы мы не получаем. Следовало бы обратиться к работе Сартра «Бытие и Ничто», – в частности, к тем ее главам, в которых мир повседневности трактуется как непроницаемое, неантропомерное (по сути, абсурдное) «бытие-в-себе». Тогда бы стало понятно, что «отличие», о котором говорит В.А. Антонец, во многом терминологическое, и что провозглашаемый Камю принцип «все, что угодно, только не от мира сего», абсолютно созвучен исходным интуициям Сартра.

Некоторые концепты «классического» экзистенциализма в диссертации даются без ссылок на тексты первоисточников. Так, например, утверждается: «Чувство страха – характерная для экзистенциализма черта» (с. 82). Допустим, что В.А. Антонец не видит разницы между «чувством страха» и его *интерпретацией* в философской теории. Но почему особенности этого страха она объясняет не по «Бытию и времени» Хайдеггера и не по упомянутому выше трактату Сартра, а по двум «Философским словарям» (отчего-то именно по двум, а не по одному)?

б) Следует признать совершенно неудовлетворительным анализ экзистенциалистских идей Н.А. Бердяева (с. 34-36), мимоletно касающийся, как и в случае с Сартром, лишь одной из его книг – «Самопознания» (это, как известно, автобиография). Почему В.А. Антонец даже не упоминает ни «Смысл творчества», ни трактат «Я и мир объектов», ни «Философию свободного духа», ни какую-либо другую *философскую* работу Бердяева? На с. 64 сказано: «у Н.А. Бердяева, мы выявляем выраженную в поиске смысла жизни

экзистенциальную проблематику», но и здесь автор ни одним словом не дает понять, что эта «проблематика» выявляется и рассматривается Бердяевым не только в его непосредственном отношении к обыденности (о чем свидетельствует «Самопознание»), но и во множестве философских сочинений, которые в диссертации просто не упомянуты (хотя это было бы более чем уместно). Отсюда (по существу, из недостаточной освоенности текстов Бердяева) – вызывающе неkritичные суждения, – о том, например, что ощущение «чуждости мира» в его трактовке Бердяевым есть нечто прямо совпадающее с сартровской «тошнотой» (как будто «чуждость мира» у религиозного философа и мыслителя-атеиста может быть одной и той же!).

в) Трактуя «традицию экзистенциализма» расширительно (как «парадигму», что, с историко-культурологической точки зрения, допустимо), В.А. Антонец порой некорректно обращается с понятиями «экзистенция» и «экзистенциальный». Так, например, она пишет на с. 58: «...То, что западные философы называли “экзистенцией”, в русской традиции часто отражается в таких терминах как “бытие”, “мировоззрение”, “мироощущение” и пр.». Однако если и можно отождествить «экзистенцию» с «бытием» (при условии, что мы говорим о бытии такого сущего, для которого, по Хайдеггеру, «именно о нем самом всегда идет дело»), то с «мировоззрением» и «мироощущением» это понятие совсем не совпадает.

Вот характерная (определяемая именно неясностью представления об «экзистенции») особенность подхода В.А. Антонец к «экзистенциальному» содержанию рассматриваемых текстов: автор (например, Тарковский или Прилепин) может и не использовать приемов «экзистенциального» анализа, но в реальности, им изображаемой, неизбежно выявляется такой уровень существования, к описанию которого термин «экзистенциальный» легко применим (герой в чуждом пространстве, перед выбором, в «пограничной ситуации» и т.д.). И вот этот элемент художественного бытия, который мы находим в огромном множестве произведений, объявляется у В.А. Антонец результатом воплощения неких «экзистенциалистских» интенций автора и ставится в связь с «традициями экзистенциализма». Здесь – очевидная *подмена* «экзистенциального» (того, что относится к факторам, конституирующим бытийную ситуацию) «экзистенциалистским» (тем, что свидетельствует о близости автора к некоторой философской традиции, пусть даже и широко понимаемой).

г) Еще два замечания частного характера.

- В диссертации есть ряд неточностей, на которые трудно не обратить внимание. Например, на с. 176 отмечается: «...Как известно, режиссёр увлекался философией П.А. Флоренского» (нет подтверждающей ссылки), и затем дается цитата из трактата «Имена», которая должна показать, что интерпретация Флоренским имени «Александр» имела значение для Тарковского в период работы над «Жертвоприношением». При этом не учитывается, что первое издание этого трактата состоялось только в 1988 году, и, следовательно, Тарковский не мог быть его читателем.

- Зачем в параграфе, посвященном творчеству В.Т. Шаламова (и в целом неплохо написанном), проблемы экзистенциального выбора сопрягаются с рассуждениями об «архетипе мужчины»? Дело даже не в том, что эти рассуждения прямо-таки обывательски стереотипны (ср., например: «традиционно, мужчина воспринимает себя в роли добытчика» (124)), – непонятно, прежде всего, как такое поверхностное «психологизирование» способствует раскрытию «экзистенциального». Почему оно необходимо?

Следует сказать, что данные замечания не подвергают сомнению научную ценность представленной диссертации и не снижают высокой оценки ее основных результатов. Работу А.В. Антонец мы оцениваем как достаточно оригинальную, обладающую несомненной теоретической и практической значимостью.

Автореферат и 8 публикаций В.А. Антонец, в том числе 5, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ, в полной мере отражают содержание диссертации.

Работа Валентины Александровны Антонец является самостоятельным, актуальным культурологическим исследованием, соответствующим паспорту специальности и квалификационным требованиям. Работа характеризуется научной новизной, теоретической и практической значимостью, отвечает требованиям п.9, п.10, п.11, п.12, п.13, п.14 Положения о присуждении ученых степеней (утверждено постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842), а ее автор – Валентина Александровна Антонец – заслуживает присуждения ученой степени кандидата культурологии по специальности 24.00.01 – теория и история культуры.

Отзыв подготовлен кандидатом философских наук, доцентом кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры Уральского гуманитарного института Уральского Федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина Быстровым Никитой Львовичем (г. Екатеринбург, ул. Первомайская, д. 63, кв. 39; тел. 8-912-611-54-46; электронный адрес: nikita-bystrov@yandex.ru).

Обсужден и утвержден на заседании кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры, протокол № 9 от 13 декабря 2017 г.

Заведующий кафедры истории философии,
философской антропологии, эстетики
и теории культуры Уральского гуманитарного института
Уральского Федерального университета имени первого Президента
России Б.Н. Ельцина, доктор философских наук,
профессор Лев Абрамович Закс

Подпись Л.А. Закса заверяю

УЧЁНЫЙ СЕКРЕТАРЬ
УРФУ
МОРОЗОВА В. А.

